

Е.М.КОВАЛЕВ.
кандидат географических наук.
Тверской государственный университет

Экология сельской России, 1900—1995 гг.

В этом сообщении предпринята попытка интерпретации экологической динамики сельской России за последнее 100-летие. Оно будет посвящено, в первую очередь, социальным аспектам этой проблемы, и в особенности — влиянию на сельскую экологию экономических и политических структур и институтов.

Источники информации

Для подготовки этого сообщения использовались в основном материалы российско-британского социологического проекта "Изучение социальной структуры советского и постсоветского села", который проводился под руководством профессора Теодора Шанина в 1990—1993 гг. более чем в 20 российских селах. Особенность этого проекта состоит в том, что в нем использована методика "семейных историй", в соответствии с которой один из старших членов семьи рассказывает своими собственными словами историю своей жизни и своего села. Независимые версии одних и тех же событий обеспечивают надежность и сопоставимость историко-социологической информации и позволяют частично преодолеть те искажения, которые неизбежно привносит в свои рассказы каждый автобиограф в отдельности. Кроме того, этот метод позволяет услышать голоса людей, находящихся в самом низу социальной пирамиды, голоса, которые редко слышат, и к которым почти никогда не прислушиваются. Экологическая проблематика оказалась настолько важной для крестьян, а их рассказы, позволяющие взглянуть их глазами на экологию сельской России XX века, настолько интересными и информативными, что она была выделена в отдельный раздел проекта.

Периодизации экологической истории

В первом приближении экологическую историю российских сел в XX в. можно разделить на три примерно равных по продолжительности периода.

Первый период, который можно назвать традиционным, "старым" или "общинно-единоличным", продолжался до начала коллективизации в СССР (1929—1933 гг). Второй, переходный, или "новый" — с начала коллективизации до конца 50-х годов. Наконец, третий, или "современный" период берет свое начало с 60-х годов. Переход от старого периода к новому был связан со сменой экономической модели, а переход от нового периода к современному — с технологическими сдвигами в аграрном секторе.

Доминанта экологической истории

Основной доминантой экологической истории сельской России является постепенное разрушение экологического равновесия между крестьянами и природной средой.

Главная причина этого прогрессирующего дисбаланса — организованная властями целенаправленная политика "огосударствления" среды, т.е. передачи контроля над ней от общинных институтов

государственной бюрократии. Эта политика, конечно, не имела в виду организацию экологического кризиса, который в первые десятилетия века могли предсказать лишь некоторые наиболее проныцательные экологи. Экологический кризис скорее явился побочным, хотя и разрушительным следствием этой политики. На самом деле, организаторы огосударствления ставили перед собой другую, вполне прагматическую цель — снять те ограничения экономического роста и форсированной, "догоняющей" индустриализации, которые накладывала на них старая общинная модель природопользования и независимые крестьянские природоохранные институты. Поскольку эта политика была целиком подчинена "внешним" и непонятным для крестьянского мира целям и не поддавалась контролю со стороны крестьян, в их рассказах она остается разнovidностью стихийного бедствия, которому невозможно противостоять. Здесь корни глубокого пессимизма крестьянского взгляда на современную экологическую ситуацию в селе, хотя очень часто эти высказывания, выдержанные в "черных красках", отражают желание крестьян преувеличить размеры кризиса, чтобы обратить на него внимание властей и, составляя важный аспект "оружия слабых", служат, таким образом, одним из способов борьбы за сохранение сельской экологии.

Экология российских сел до коллективизации

По сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов экологическая ситуация в доколхозной деревне кажется нашим респондентам эталонной. Для них это "золотой век" гармонии с природой, точка отсчета, относительно которой оцениваются все последующие изменения. Особенно заметна эта тяга к сопоставлениям в тех селах, которые сильнее других были затронуты экологическим кризисом: находятся вблизи военных полигонов и космодромов, пострадали от государственных программ мелиорации и химизации или оказались в пригородной зоне крупных промышленных центров. Вряд ли можно не критически принять точку зрения крестьян.

Экологический кризис и дестабилизация традиционных культурных ландшафтов одновременно с быстрым демографическим и экономическим ростом, который испытала Россия в 1860-х годах и, особенно, в 1890—1914 гг. Потребности крестьян в угодьях при низкой урожайности и примитивной агротехнике могли удовлетворяться только при плотности населения не более 25 человек на кв. км. Такая плотность во многих губерниях была достигнута уже к середине XIX в. и продолжала возрастать вплоть до первой мировой войны. Переход от трехполья к плодосменной системе земледелия не мог принести заметного облегчения. Все, что можно

было превратить в пашню или пастбища, очищалось от леса. Быстрый рост лесной промышленности, судоходства, потребность в крепежном лесе для шахт и в шпалах для железнодорожного строительства требовали новых вырубок. Рост фабричных поселков, строительство каналов, железнодорожной сети, организация открытой горнодобычи увеличили масштабы воздействия на природу.

Но в первое десятилетие советской власти темпы трансформации ландшафтов снизились. Лес стали рубить только для получения топлива. От плодосменной системы земледелия крестьяне возвращались к трехполью, площадь земель под пашней стабилизировалась или сократилась. Из-за огромных людских потерь, понесенных в годы мировой и гражданской войн, демографическое давление на землю уменьшилось. Началось естественное лесовосстановление, приостановились процессы водной и ветровой эрозии.

Поэтому из рассказов о том времени крестьян, родившихся в 1910—20-е годы, остается ощущение стабильности, экологического равновесия, характерного для российских сел 20-х годов. Поддержание этого равновесия требовало особой организации общинного природопользования, специальных природоохранных институций, сложных ритуалов и правил экологического поведения, освещенных традицией и еще сохранявшей свое влияние церкви.

Все крестьяне входили в состав общины, стремившейся обеспечить устойчивость всех видов угодий на своей территории и под ее руководством сами осуществляли все работы по поддержанию экологического равновесия. Аграрное производство было малотоварным. Размеры деятельности крестьян на земле ограничивались скромными возможностями ее обработки и потребностями, которые определялись, в основном, размерами семьи. Нарушителей этого порядка ожидал эффективный самосуд, руководствующийся в приговорах и исполнении наказания обычным правом. Революция 1917 г. мало повлияла на этот порядок природопользования. Наоборот, тенденция к индивидуализму, связанная со Столыпинской аграрной реформой, проводившейся с 1906 по 1916 г., сменилась после революции возвращением общинных, консервативных традиций и ценностей. Община управлялась сходом, на котором выбирался ответственный перед ним староста. Влияние на природопользование местных Советов было минимальным.

Может сложиться впечатление, что главную роль в поддержании экологического равновесия играла община. Но и во многих частновладельческих хозяйствах природопользование было организовано вполне рационально. Например, в одном из обследованных сел лесостепной зоны, Викторополе, возникшем на базе имения известной просветительницы, мецената и общественной деятельницы

графини Паниной, в начале XX в. был организован один из первых в России частных заповедников, была построена система прудов в сухих понижениях. Лесопосадками и противоэрозионными работами занимался специальный штат лесников и садовников. В имении были огороженные сады и парки. Саженный лес защищал имение от холодных зимних ветров и препятствовал смыву грунта. Национализация таких крупных поместий и их разрушение под лозунгом борьбы со старой буржуазной и аристократической культурой стало первым симптомом новых принципов природопользования.

Экология российских сел в 30—60-е годы

В соответствии с постулатами марксизма, ставшего в 1917 г. официальной государственной идеологией, только социализм открывает реальные возможности для всеобщего процветания. Но перед социалистическим обществом никогда не ставилась задача находиться в гармонии с природой. Наоборот, это общество конструировалось для того, чтобы конфликтовать с ней. Окружающая среда описывалась марксистскими идеологами, как препятствие для быстрого экономического роста, как нечто находящееся в состоянии беспорядка и хаоса. Социализм должен был ликвидировать этот хаос и "покорить" природу, т.е. преодолеть те ограничения, которые она ставит на пути прогресса и использовать ее богатства в своих интересах. Именно поэтому на протяжении почти всего советского периода понятие "покорение природы" играет столь важную роль в официальной идеологии.

Важный вопрос — почему крестьяне оказались беззащитны перед применением этих, как оказалось, антиэкологических взглядов на практике.

Наиболее очевидная причина — массовое насилие и террор, возведенный в ранг государственной политики. Насильственная коллективизация, проводимая режимом, означала гибель, ссылку в Сибирь или бегство в города миллионов наиболее успешных и эффективных крестьян — носителей традиций общинного природопользования.

Другая группа причин связана с православной культурой. В-первых, это русская традиция сакрализации власти и невозможность, вследствие этого, ее критики. Эта черта присуща многим культурам, но православный царь всея Руси занимал поистине уникальное положение. По выражению Н.Булгакова, он олицетворял собой харизму царствования, мирянскую стихию и внешнее покровительство общинам. Для русских царь был строителем царства божьего на земле. Именно поэтому, для традиционного созна-

ния власть оставалась священным институтом, а критика носителей власти и попытка контроля за их действиями приравнивалась к святотатству. Во-вторых, официальная концепция покорения природы была вполне созвучна православию, допускающему построение царства Божьего на земле в образе "Горнего града Иерусалима" и решение всех проблем бытия немедленно и в полном объеме.

Еще одна причина кроется в норме обычного крестьянского права, которая гласила: "Тем, к чему не приложены руки, может бесконтрольно пользоваться любой желающий". Эта норма когда-то помогала выжить нуждающимся членам общины, но ее сохранение в урбанизированном и индивидуалистическом обществе поощряло эгоизм в природопользовании и заставляло опередить других в присвоении "ничейных" природных ресурсов.

С началом коллективизации в российском селе стали быстро меняться формы и принципы организации всей крестьянской жизни, включая и ее природоохранный аспект. Они коренным образом отличались от старых, общинно-единоличных. Деревня полностью потеряла право на самоуправление, и стала управляться сверху, с помощью приказов и постановлений, под угрозой применения жестких репрессивных санкций. Логика этих приказов диктовалась не локальными нуждами крестьян и не стремлением поддержать экологический баланс, а якобы более важной общенациональной задачей — построения социализма в одной стране, сформулированной Сталиным после краха попыток разжечь мировую революцию. Все показатели объема выпусков сельскохозяйственной продукции вышли из-под контроля сельских общин и стали планироваться сверху, а местные власти были больше озабочены демонстрацией своей лояльности режиму и необходимостью мобилизовать крестьян для участия во всех национальных починах и кампаниях. Поскольку разверстка планов, ресурсов и мероприятий проводилась по отраслевому, министерскому принципу, разные аспекты природопользования попали в руки разных ведомств и единая и согласованная экологическая политика по отношению к конкретной территории, проводимая когда-то всей общиной, отошла в прошлое. Вместо прежнего хозяина всех сельских угодий — крестьянского схода, появился колхоз, а вслед за ним и локальные отраслевые организации — лесные, сельскохозяйственные, мелиоративные, рыбопромысловые, охотничьи, которые парализовали большую часть всех старообщинных природоохранных функций и не координировали свои усилия на каждой конкретной территории. Но несмотря на межвоенные радикальные эксперименты Сталина в области социального конструирования, смена моделей природопользования была достаточно медленной и растянулась на несколь-

ко десятилетий. Возможно, этот процесс был бы еще более медленным, если бы не вторая мировая война, "научившая" пренебрежению природными ресурсами, оправдывая их хищническое уничтожение нуждами армии или местного населения, лишенного прежних государственных источников централизованного снабжения продовольствием и топливом.

Экология российского села в 60—90-е годы

Если в 30—50-х годах были заложены важнейшие предпосылки экологического кризиса — идеологическая и организационно-хозяйственная, то с начала 60-х годов к ним, с приходом в село машинной цивилизации, добавились еще и технологические возможности для претворения в жизнь самых смелых планов "покорения природы".

Всю местную экологическую политику стали определять руководители крупных сельскохозяйственных предприятий — колхозов и совхозов, а также сельских специализированных служб. В своей работе они руководствовались собственным образом культурного сельского ландшафта — упрощенным, однобоким и предельно примитивным. Основными его компонентами должны были стать: высокоствольный спелый лес, пригодный для сплошной рубки; искусственные пруды с рыбой, которую можно собирать голыми руками после периодических спусков воды; однообразные ровные поля под зерновые без ручьев, речек, оврагов, балок, холмов. По идеологическим причинам для того чтобы не портить отчетность, пашня оставалась неприкосновенной, независимо от ее реальной отдачи. Из-за ее неприкосновенности бесхозные леса стали резервной территорией, легко отчуждаемой для любого строительства, а под пригородные дачи горожан были отведены болота, лесные поляны, малые поймы, склоны речных долин и оврагов, которые должны оберегаться в первую очередь. Быстро растущие города оказались на многие километры окруженными легальными и нелегальными свалками, пригородными предприятиями и складами, тепличными комбинатами, животноводческими комплексами, аэропортами, полями фильтрации сточных городских вод, линиями электропередач, бессистемными вырубками, канавами, трубами теплотрасс, котлованами заброшенного строительства, дачными массивами и крошечными огородами в загрязненной полосе отчуждения железных и автомобильных дорог.

Территория пригородных сел стала ареной конкуренции, местом столкновения взаимоисключающих друг друга видов землепользования: рекреационного, сельскохозяйственного, промышленного, транспортного. Бесконтрольное нашествие горожан, вынужденных исполь-

зовать приемы собирательства из-за нехватки и дороговизны продовольствия и строительных материалов, привело к массовым рубкам, промысловой охоте, хищническому сбору дикорастущих ресурсов.

Вместе с увеличением числа ведомств, которые могли бесплатно распоряжаться природными ресурсами (теперь к ним добавились военные, строители, связисты, энергетики, транспортники, газовики, нефтяники, агрохимики), устроенных, как правило, по военному образцу с единоначалием и беспрекословным подчинением снизу доверху, у них появились мощные рычаги воздействия на природу, которые намного превосходили все, что было известно ранее, даже в военные годы с их девизом: "Война все спешет". Юридические ограничения на деятельность этих ведомств отсутствовали до конца 70-х годов, но и в 80-е годы большинство законодательных актов существовало лишь на бумаге, а штрафы, накладываемые за ущерб, нанесенный природным ресурсам, выплачивались не нарушителями, а покрывались за счет расходных статей госбюджета. Началась эпоха Хрущева и Брежнева с принятыми по их инициативе общегосударственными программами по механизации, электрификации, химизации и индустриализации аграрного производства. В селе появились мощные тракторы, экскаваторы, автомобили, сельхозавиация, зерноуборочные комбайны, строительная и дорожная техника, бензин, минеральные и синтетические удобрения, гербициды, пестициды и инсектициды.

Важнейшим фактором деградации окружающей среды стало применение удобрений. Хрущеву казалось, что удобрения компенсируют в целом невысокое плодородие почв, но колхозы не имели ни специального оборудования для внесения удобрений, ни опыта их хранения и использования. Нелегально применяемые дуст, хлорофос и ртуть уничтожали животных и растения, отравляли водоемы и крестьян, работающих на полях. 30% пестицидов не доходило до полей, а терялось при перевозках.

Среди организаций-землепользователей особенно негативную роль в экологическом кризисе сыграла армия. В военных целях в конце 80-х годов использовалось не менее 2% территории страны. Только в Казахстане под военные и ядерные полигоны было отведено 200 тыс. кв. км — больше площади, занятой под посевы пшеницы. Помимо земель, находящихся под полным контролем военных, огромные территории периодически использовались для военных маневров, опустошавших тысячи квадратных километров в Поволжье, Сибири, на Южном Урале, в Казахстане и Приморье. Не случайно, несколько сел, перешедших черту, отделяющую неблагоприятную экологическую ситуацию от экологической катастрофы, размещены в зоне влияния военных полигонов и космодромов в Казастане и на Севере Европейской России.

Были и другие причины эскалации экологического кризиса. Сразу же после либерализации паспортного режима, в 60-х годах начался миграционный отток из сел в города. Это было связано с резкими контрастами в уровне жизни жителей крупных городов и сел — наследие привилегий, которые города получили как очаги пролетариата — официальной опоры режима и базы форсированной индустриализации. Миграция постепенно привела к тому, что окраинные, периферийные деревни, особенно в Центре России, на Севере и в Белоруссии постепенно депопулировали, и у властей появилась необходимость укрупнить колхозы, управляющие органы которых переносились в районные и областные центры. В результате ведомства, монополизировавшие управление природными ресурсами, все больше удалялись от "подвластных" территорий и теперь могли сочинять самые фантастические планы "великого преобразования природы", не будучи связанными никаким, даже слабым контролем сельских жителей и общественного мнения на "подведомственных территориях". Еще одно следствие депопуляции — всеобщее запустение, прекращение всякого надзора за природой, уменьшение площади пашни и вообще всех сельскохозяйственных угодий, одичание природы и падение освоенности территории.

Депопуляция села имела еще одно косвенное, но важное следствие. Оно связано со своеобразной интерпретацией марксистской теории стоимости. В советской экономике вся земля, вода, лес, минеральные и вообще, любые природные ресурсы предоставлялись природопользователям по существу бесплатно. Это вытекало из марксистского понимания товара, который не имеет цены до тех пор, пока к нему не будет приложен труд. Экономический рост в СССР и других социалистических странах долгое время достигался за счет экстенсивного потребления природных, трудовых и финансовых ресурсов. Но острая нехватка рабочей силы, низкие темпы роста производительности труда и недостаток инвестиций, наблюдавшиеся в последние десятилетия, ограничивали два последних фактора роста. В то же время природные ресурсы оставались бесплатными, и хозяйственные руководители все чаще старались выполнять плановые задания за счет экстенсивного природопользования. В экономической системе советского типа такое поведение оказывалось наиболее рациональным, несмотря на существование пределов для замены одного фактора другим. Обращение с природными ресурсами как с даровым товаром оказалось враждебным их рациональному использованию и охране.

Культ индустриализма, сопутствовавший советскому государству с первых лет его существования, породил настойчивые и не всегда удачные попытки внедрить промышленные принципы организации в сельскохозяйственное производство. К этим принципам

можно отнести: использование принципа удельной экономии за счет увеличения масштабов производства, конвейерную организацию технологических процессов, применение критериев эффективности работы, выработанных в промышленности. В то же время, поскольку земля и вода оставались бесплатными, их деградация не отражалась на плановых показателях рентабельности производства. В итоге, в селе возникли огромные животноводческие комплексы, сбрасывающие такие же по объему стоки, как средний по размеру город, и не обладавшие адекватными очистными сооружениями.

Некоторые села были перестроены в уродливые агрогорода, вобравшие в себя все недостатки примитивно понятого городского образа жизни. Перестав быть в полном смысле этого слова селами, они не обзавелись и необходимыми для такого образа жизни экологическими институциями, например, службой уборки и захоронения отходов, организация которой была в 60-е годы сочтена для агрогородов излишней и нерентабельной.

Крестьяне не могли справиться с этой стихией разрушения. Старые способы защиты своих интересов были забыты, да и сами сельские общины оказались разделенными на местных и приезжих, сельскую элиту и рядовых крестьян, старых и молодых селян, недавних горожан, вернувшихся обратно в село, дачников и рекреантов. Все они имеют разные представления о природопользовании и о моральности тех или иных его видов. В этих условиях они не стремятся, или им не удается, из-за различий между их субкультурами, выработать единую согласованную политику и взять под контроль свою территорию, ориентируясь хотя бы на практику первых десятилетий века, о которой у старожилов еще остались какие-то воспоминания. Успешных примеров воссоздания экологических традиций мы не смогли выявить ни в одном из обследованных сел.

Региональные экологические проблемы

Точно так же, как все послевоенные годы власти боролись с разнообразием в политике и экономике, а сельские чиновники стремились превратить сложные природные ландшафты в одновозрастные леса, ровные поля или рыбные пруды, примитивная бюрократическая специализация насаждалась и на уровне всей страны. Каждому региону был поставлен в соответствие один-единственный тип мелиорации и одна-единственная культура, на которой этот регион должен был специализироваться. На Севере это был лес, в Центре — животноводство и осушение земель, на Юге — пшеница и борьба с эрозией, в Средней Азии — хлопок и ирригация. Все культуры должны были выращиваться независимо

от местных условий и от своей рентабельности, которую, впрочем, в отсутствие свободного рынка было невозможно определить. Мелиоративные работы проводились отдельными министерствами, склонными для увеличения своей влиятельности составлять амбициозные проекты века, например, планировать поворот северных рек на юг. При планировании они использовали в основном количественные показатели, например, длину осушительных каналов, которые выкапывались и там, где было не нужно, например, на вершинах песчаных дюн или в верховых болотах. Такая мелиорация представляла опасность для окружающей среды и требовала новых инвестиций для борьбы с ее негативными последствиями.

В результате, в начале 90-х годов из 605 млн га обрабатываемых в России земель 26% было засолено, 19% — эродировано, 5% — заболочено. Черноземы потеряли до 30% гумуса, слой которого уменьшился в среднем на 15 см. Каждый год сеть оврагов увеличивалась на 20 тыс. кв. км. За последние 25 лет 5% плодородных земель было выведено из хозяйственного оборота в результате их застройки, затопления водами водохранилищ и неправильного орошения.

Меры сохранения сельской экологии

Справедливости ради следует отметить, что наряду с механизмами, вызывающими ухудшение экологической ситуации, существуют и другие, компенсационные механизмы, которые, наоборот, работают на поддержание экологического равновесия.

Помимо правительственных программ, принятия природоохранных законов и сформировавшейся в 80-х годах административной системы регулирования природопользования, это сохраняющиеся общинные традиции земле- и лесопользования, функционирование общественного мнения, с которым властям всегда приходилось считаться, а также мощное природоохранное движение интеллектуалов, объединившее ученых, писателей и студентов.

Почти в каждом из обследованных *сел* есть люди, которые становятся как бы экологической совестью сельской общины — лесники, садоводы, учителя, которые принимают на себя обязанности общественных экологов по отношению к природе и, выдерживая насмешки или даже угрозы, продолжают делать то, что они считают моральным и справедливым. Их роль в поддержании сельского экологического равновесия невозможно переоценить.

Современные тенденции сельской экологии

Поразивший страну глубокий экологический кризис отодвинул решение природоохранных проблем на третий план. Первая при-

чина этого — резкое сокращение объемов выпуска промышленной продукции в наиболее грязных отраслях — энергетике, металлургии и химической промышленности. По сравнению с 1991 г. производство в этих отраслях сократилось в 2 раза, одновременно уменьшилось потребление сырьевых и природных ресурсов, а также объемы загрязнения воды и воздуха. Вторая причина — более заметное ухудшение других условий жизни: падение реальных доходов и уровня жизни в целом, политическая нестабильность, эскалация преступности, безработица и обнищание большей части населения. Наконец, после распада СССР экологические лозунги перестали использоваться в политической борьбе за независимость в союзных республиках, в первую очередь, прибалтийских. О падении интереса к экологическим проблемам говорит тот факт, что на выборах 1993 и 1995 гг. предвыборный блок экологов "Кедр" не смог завоевать в Государственной Думе ни одного места. Даже рост выбросов на единицу произведенного ВВП и уменьшение доли инвестиций, выделяемых на охрану природы в начале 1990-х годов, не привлекли общественного внимания.

Экологическая тема поднимается сейчас только в двух случаях. Во-первых, в борьбе, которую ведут независимые экологические организации против уважаемых чиновников от экологии, обвиняя их в коррупции и недобросовестном выполнении своих обязанностей. Во-вторых, это обвинения в экоциде, которые коммунистическая и националистическая оппозиция предъявляет правительству, реализующему сейчас, по их мнению, программы по превращению России в мировую свалку промышленных отходов или даже сокращению населения России со 150 до 30 млн человек. В политической программе партий, претендующих на выражение интересов крестьян, экологические требования встречаются крайне редко.